

Гарри застал только последний день похорон Ремуса и Тонкс, но и этой короткой службы было достаточно, чтобы его слезы снова потекли. Хотя он не был особенно близок с Ремусом, старший волшебник был его последней связью с родителями, и боль прощания с ним и Тонкс укрепила его решимость осуществить свои планы.

Та же самая решимость уйти почти мгновенно рассыпалась при виде маленького Тедди, чьим крестным отцом он обещал быть, но он быстро отбросил свои сомнения; их ситуации не были одинаковыми.

Гарри отказывался чувствовать себя виноватым из-за того, что «бросил» Тедди. В то время как мальчик мог бы очень ценить крестного отца, он не нуждался в нем, не так, как Гарри нуждался в Сириусе. У него была бабушка, которая его очень любила, хорошо воспитала и поделила с ним теплые воспоминания о родителях.

Это не значит, что Гарри не пролил еще несколько слез, когда выразил свое почтение Андромеде и нежно поцеловал своего крестника в лоб, вероятно, в последний раз. Однако ему удалось уйти, не обремененный чувством вины.

Остальные похороны прошли несколько легче, и после первых нескольких они, казалось, смешались в голове Гарри. Их было так много, что иногда он посещал целых три за один день. Сначала был Хагрид, которого похоронили возле его хижины на территории Хогвартса, а его сводный брат возвышался над посетителями и сотрясал землю от каждого приступа слез, Сьюзен Боунс, Симус Финниган, Ханна Эббот, Ли Джордан, Аберфорт Дамблдор, Невилл Лонгботтом, Колин Криви, профессор Флитвик, Майкл Корнер, Энтони Голдштейн, Анджелина Джонсон, Захариас Смит, Оливер Вуд...

Наконец, чуть более чем через две недели после финальной битвы, Гарри встал, чтобы оставить последние похороны в своем списке, похороны Ксенофилиуса Лавгуда, на которые он решил прийти больше из моральной поддержки Луны, чем из уважения к покойному. . Первоначально он собирался остаться только на службу, но Луна выглядела такой грустной и одинокой, что он тоже остался на похороны.

Большая часть небольшой толпы у могилы уже рассеялась, когда он наконец подошел к Луне, чтобы выразить свои соболезнования.

Ее лицо значительно просветлело, когда она увидела его: «Спасибо, что пришел, Гарри. Надеюсь, ты не заразился *mermera gasts*, они любят тусоваться на похоронах — и я видела тебя на многих похоронах». ...»

Гарри подавил сухой смешок: «Пожалуйста, Луна. Думаю, мне удалось избежать мермагастов».

«Мермерагасты, Гарри, и это хорошо, потому что от них очень сложно избавиться. Они имеют тенденцию задерживаться на некоторое время и очень огорчают людей — ты выглядишь грустным», — откровенно заметила она.

— Я в порядке, Луна, правда, — настаивал Гарри, но не упомянул о том, как грустно она выглядела.

«Нет, нет, — возразила она, — но будешь. Что ты собираешься делать теперь, Гарри?»

Ложь, которую он говорил всем, кто спрашивал, вертелась у него на языке, но что-то в серьезном выражении лица и серебристых глазах Луны остановило его от произнесения слов. Поэтому вместо того, чтобы сказать ей, что он еще не знает, чем хочет заниматься до конца своей жизни, и планирует путешествовать, пытаясь избежать своего горя, он обнаружил, что рассказывает ей правду о своих планах.

Хотя он не должен был волноваться; Далекая от того, чтобы обескуражить его, Луна попросила пойти с ней. Она так напомнила ему одинокого ребенка, который надеялся, что его примут за игровую площадку, что Гарри не смог ей отказать.

На ее лице появилась улыбка. — О, спасибо, Гарри. Я не могу оставаться здесь совсем одна, теперь, когда все ушли, даже папа.

Гарри зашаркал ногами, чувствуя себя неловко при упоминании Ксенофилиуса Лавгуда, но сказал: — Мне очень жаль твоего отца, Луна.

«Да, это довольно грустно, но теперь он снова с мамой, так что я действительно не должна грустить...» ответила она разговорным тоном. Ее голос неожиданно дрогнул: «Но мне грустно».

Столкнувшись с маловероятной и неловкой ситуацией, когда ему пришлось утешать Полумну Лавгуд, которую Гарри обычно считал невозмутимой, молодой волшебник потерял дар речи.

Повисла неловкая тишина.

Однако, когда Гарри уже собирался произнести несколько слов утешения, Луна снова заговорила: — Как ты думаешь, я могла заразиться мермегастами? Я не была на стольких похоронах, как ты...

— Это нормально — грустить, Луна, — предложил Гарри, неуклюже похлопывая ее по спине и заключая в объятия, — ты только что похоронила своего папу.

Луна хихикнула, момент меланхолии был таким мимолетным, как будто его никогда не было. — Мы не хоронили папу, Гарри.

Гарри отстранился, пораженный. «Мы похоронили пустую раковину, — продолжала она, — папа с мамой, по ту сторону Завесы».

Гарри вздохнул и пробормотал: «Я исправлюсь...» — затем попытался вырваться из ее хватки: «Наверное, мне следует отправиться домой, Кричер будет волноваться. Ты позвонишь, когда будешь готов пойти?»

Луна покачала головой. — Лучшее время, чем настоящее, — всегда говорил папа.

Гарри какое-то время смотрел на нее, прежде чем восстановить способность говорить: «Но, но... разве у тебя нет дел для начала?»

«О, конечно, прежде чем мы уйдем. Но это может подождать — одиночество — худшее лечение мермерагастовой инфекции, и я начинаю думать, что действительно могу быть заражен».

Гарри уловил слова, которых она не сказала: что ей грустно и она не хочет сейчас оставаться одна, что где-то за толстой внешней оболочкой, которую она разделяет с остальным миром, Луна Лавгуд так же уязвима, как и все остальные...

— Хорошо, если ты уверен, — ответил он. «Однако мне придется аппарировать нас обоих; дом все еще под контролем Фиделиуса. Держись крепче».

Он даже не стал возражать, когда она предпочла схватить его за ухо вместо чего-то более типичного; это не стоило усилий.

"Готовый?" — спросил он, не дожидаясь ответа, сосредоточившись на их пункте назначения.

Мгновение спустя они приземлились на верхней ступеньке дома номер двенадцать по Гриммо-плейс. Он сделал паузу, прежде чем потянуться к двери: «Ну, вот и все; пожалуйста, не обращайтесь внимания на головы домовых эльфов — я все еще не убедил Кикимера убрать их. И постарайтесь вести себя тихо в коридоре, иначе вы проснетесь». Миссис Блэк, — предупредил Гарри, открывая дверь и услышав обычный тихий шепот «Северуса Снейпа» .

— Я не убивал тебя, — прошептал он в ответ, затем затаил дыхание, когда пыльная фигурка сглаза взорвалась.

— Это был профессор Грюм? — спросила Луна, видимо, равнодушная к пыльному призраку.

— Ага, — шепотом ответил Гарри, — мне действительно нужно что-то сделать с этим проклятием. Оно начинает раздражать. Быстрее, следуйте за мной, пока мы не разбудили миссис Блэк.

«Кто такая миссис Блэк?» — спросила она — слишком громко.

" Грязнокровки! Грязь! Подонки! Полукровки! "

"Черт! Слишком поздно!" Гарри выругался, пытаясь задернуть шторы, обрамлявшие портрет.

«Она довольно неприятная, — прокомментировала Луна, подойдя к портрету, — не думаете ли вы, что она может страдать от фанумалии? »

«Кровоизменники и полукровки! Оскверняют дом моих отцов! Прочь! Прочь, грязь!»

— Сомневаюсь, — ответил Гарри, — она всего лишь озлобленная старуха и чистокровная расистка, которая отказывается признать, что мир изменился и что это больше не ее дом !

"Грязнокровки! Позор на доме моих отцов! Прочь отсюда!"

"Замолчи!" Гарри обратился к картине, которая все еще выкрикивала непристойности во все свои двумерные легкие, и с огромным усилием ему удалось закрыть шторы.

Он снова повернулся к Луне и прошептал: — Идем сюда, пока она снова не проснулась... Кричер, наверное, уже приготовил ужин... Он повел ее вниз по лестнице, на кухню, подальше от портрета.

Когда они вошли, Кричер стоял в дальнем углу кухни, помешивая тушеное мясо в глубокой кастрюле. — Кричер извиняется, мастер Гарри, ужин почти готов, — сообщил домовый, не поднимая глаз.

— Все в порядке, Кричер, — заверил Гарри, пододвигая стул к столу и приглашая Луну сесть, — мы можем подождать.

Кричер испуганно взглянул на него. — Мастер Гарри привел домой гостя! Кричер не ждал гостя!

Он поспешил поприветствовать их — медальон Регулуса подпрыгивал у него на груди, пока он метался. — Добро пожаловать, мисс, пожалуйста, позвольте Кричеру взять плащ мисс. Кричер приготовит еще тушеного мяса для гостя Хозяина.

— Кричер, — перебил Гарри, — это Луна Лавгуд, она проведет ночь. Луна, это мой домовый, Кричер.

Луна встала и сделала реверанс. — Очень приятно познакомиться с вами, Кричер, — поприветствовала она.

— Мисс Луна оставила свой багаж в Холле, мастер Гарри? Кричер принесет его в комнату Мастера для нее.

Гарри покачал головой: «Нет, багажа нет, Кричер, но спасибо».

«Тогда Кричер разложит для нее старую ночную одежду Госпожи на кровати Хозяина», — предложил эльф.

Гарри покраснел, поняв, что предлагает Кричер. — Спасибо, Кричер, но Луна не будет спать со мной. Не могли бы вы подготовить для нее другую комнату, пожалуйста?

Домовой низко поклонился: «Да, мастер Гарри, Кричер сделает это — Кричер уберет комнату грязнокровки для мисс Луны», — прежде чем поспешил заняться своим рагу.

Гарри проглотил новое горе, поднявшееся при упоминании Гермионы, прежде чем ответить на оговорку.

— Кричер? — позвал он вслед эльфу, изо всех сил пытаясь сдержать гнев и разочарование в своем голосе.

— Да, мастер Гарри? — рассеянно ответил домовой.

— Что я говорил тебе о слове, грязнокровка? — подсказал Гарри.

Кричер вздрогнул, когда повернулся, чтобы посмотреть на своего хозяина: «Это оскорбительно, и Кричер не должен его использовать, мастер Гарри».

— Тогда почему ты продолжаешь им пользоваться? — спросил Гарри.

— Кричер забывает, мастер Гарри.

Гарри вздохнул: «Пожалуйста, постарайся вспомнить, Кричер».

— Да, мастер Гарри, — пообещал домовой и вернулся к готовке.

<http://tl.rulate.ru/book/82909/2635735>